

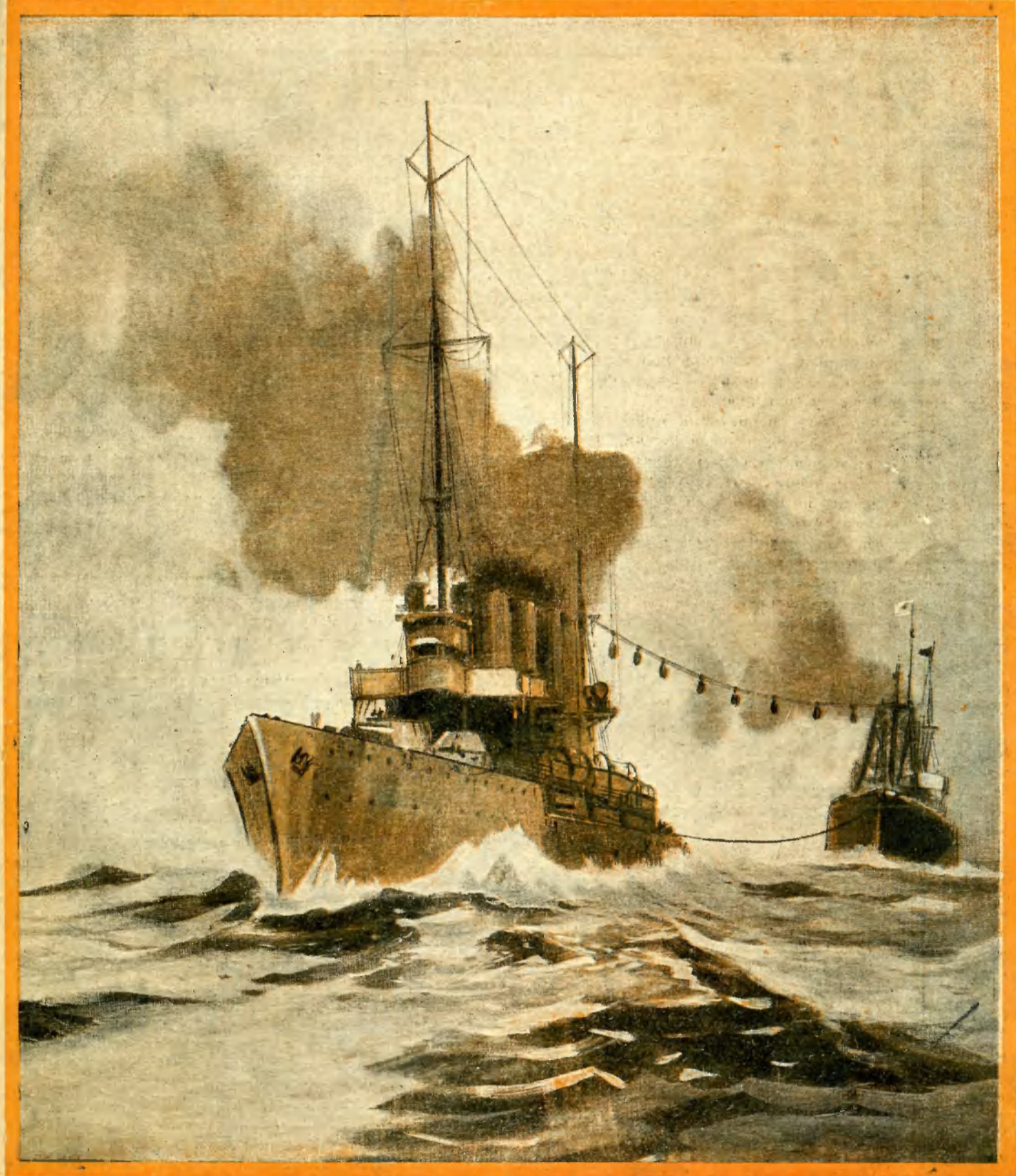
XVII 49589/10

№ 66.
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИ.
1915 г.

1-я энз.
ВОЙНА

ЦЕНА 10 К.
ПЕТРОГРАДЪ.
ДЕКАБРЬ

(прежде, теперь и потомъ).

Военно-морской призъ. Захваченное германское судно отводится английскимъ крейсеромъ въ гавань ближайшаго британскаго порта.

Условия подписки
 съ доставкой и
 пересылкой по
 всей России:
 на годъ . 4 р. — к.
 . 1/2 года 2
 . 1 мѣс. — . 30 .
 Перем. адреса 25 к.
 Неприятныя рукописи
 не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Тарифъ объявленій:
 За строку непара-
 рели въ 1 стол-
 бецъ:
 (1/4 шир. стран.)
 впер. текста . 90 к.
 позати . . . 60 .
 Постоянныя заказы по
 соглашенію.

№ 66 — 1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. Декабрь.

УЖАСЪ.

Рассказъ Ал. Королева.

I.

Уже на третій день знакомства съ этимъ стран-
 нымъ человѣкомъ, Нина почувствовала что-то нелад-
 ное. Слишкомъ ужъ подозрительными казались его
 осторожность, холодная и приторная вѣжливость, мол-
 чаливость и, особенно, странный интересъ къ ея отцу,
 заслуженному боевому генералу.

— Отчего васъ такъ интересуеъ мой отецъ, Карлъ
 Ивановичъ? — лукаво спросила дѣвушка, кокетливо
 улыбаясь. — Неужели онъ для васъ интереснѣе, чѣмъ я?..

Они гуляли по одной изъ шумныхъ, кривыхъ и
 грязныхъ улицъ города Баку, куда недавно пріѣхалъ
 изъ Петрограда генералъ по важному служебному дѣлу.

Съ Карломъ Ивановичемъ, молодымъ инженеромъ
 изъ нѣмцевъ, Нина познакомилась на пикникѣ и, вотъ,
 уже третій день, какъ онъ неотступно слѣдуетъ за
 нею, притворяясь влюбленнымъ...

— Ну, отчего вы молчите? — смѣясь, спросила
 дѣвушка.

Киснеръ (такова была фамилія Карла Ивановича)
 многозначительно вздохнулъ, и вдругъ, очевидно, съ
 цѣлью переменить тему разговора, предложилъ:

— А не желаете ли, Нина Петровна, совершить не-
 большую прогулочку за городъ? Я вамъ покажу инте-
 ресныя окрестности, поднимемся на нефтяныя вышки...

— О, это, дѣйствительно, интересно! — живо со-
 гласилась Нина. — Сейчасъ около восьми часовъ, когда
 мы дойдемъ до вышки, наступятъ сумерки, и городъ съ
 такой высоты покажется намъ очаровательнымъ... О,
 это будетъ очень интересно, поэтично! Въ особен-
 ности, Карлъ Ивановичъ, если вы на вышкѣ объясните
 мнѣ въ любви.. ха-ха-ха! Не правдали? Это будетъ
 удивительно оригинально: пламенное объясненіе въ
 любви на грандіозномъ керосиновомъ бакѣ!.. Какъ бы
 только не произошелъ пожаръ...

Она не замѣтила, какъ немолодое и блѣдное лицо
 Киснера исказилось злобнымъ страданіемъ и обидой.
 Его тонкія блѣдныя губы стали еще тоньше, а узкіе
 мутные глазки потемнѣли и смущенно замигали.

— О, вы очень остроумны, Нина Петровна, — вы-
 давилъ онъ изъ себя, — а я и не зналъ... Но на вышкѣ,
 дѣйствительно, будетъ интересно!

Въ сущности, этотъ скучный инженерикъ поряд-
 комъ надоѣлъ Нинѣ, но ея спортсменскія наклонности
 заставили въ данномъ случаѣ терпѣть его общество, —

чтобы пробраться на грандіозныя керосиновыя баки.
 Это, въ самомъ дѣлѣ, обѣщало быть интереснымъ.

— Что-жъ, пойдете, — согласилась она.

Карлъ Ивановичъ зашагалъ быстрѣе.

Наступалъ вечеръ. Душный южный вечеръ.

Нина шла и съ легкой досадой думала о томъ, что
 неинтересный собесѣдникъ можетъ безъ труда испор-
 тить самое хорошее самочувствіе.

«Почему я съ нимъ познакомилась? — думала она,
 недоумѣвая, — кто онъ?»

Его влюбленность была такъ неумѣло притворна,
 что Нина даже не испытывала презрѣнія... Да и вообще,
 все его поведеніе было странно и подозрительно, и,
 собственно, это даже было одной изъ главныхъ при-
 чинъ, почему Нина позволяла ему сопровождать себя.

Нина была необыкновенно-развитая, смѣлая и умная
 дѣвушка, и ея просто интересно было разгадать встрѣ-
 тившагося ей страннаго человѣка. Развѣ разбираться
 въ людяхъ — не самое интересное развлеченіе?

II.

Нина искоса съ любопытствомъ разглядывала слег-
 ка сутулую спину Киснера, его тоненькія руки въ
 щеголеватыхъ перчаткахъ, блѣдное лицо, панаму...

— Карлъ Ивановичъ, вы долго живете въ Баку? —
 спросила она.

Инженеръ, погруженный въ свои думы и чѣмъ-то,
 повидимому, взволнованный, слегка вздрогнулъ и бы-
 стро отвѣтилъ:

— О, нѣтъ, Нина Петровна, недолго! Всего два
 мѣсяца!..

— А отчего вы такъ взволнованы? — спросила дѣ-
 вушка. — Или, можетъ быть, мнѣ такъ кажется?

Онъ опять отвѣтилъ кратко и отрывисто, затѣмъ
 опять вздохнулъ многозначительно и замолчалъ.

Вообще, весь его разговоръ состоялъ изъ этихъ
 короткихъ, отрывистыхъ фразъ, многозначительныхъ
 вздоховъ и бесконечно-долгихъ паузъ. Оживлялся онъ
 только, когда рѣчь заходила о генералѣ, отцѣ Нины.
 Но эта его оживленность успѣла броситься въ глаза
 дѣвушкѣ, и Киснеръ совсѣмъ не зналъ, о чемъ гово-
 рить съ ней.

— Вотъ мы скоро и на мѣстѣ! — сказалъ онъ.

— Да.

Дѣйствительно, передъ ними, на нѣжномъ фонѣ
 темнѣющаго неба возвышались четыре, колоссальныхъ
 размѣровъ, керосиновыхъ бака.

Вскорѣ дѣвушка, чуть-чуть приподнявъ платье,
 поддерживаемая Киснеромъ, взбиралась по вьющейся
 желѣзной лѣсенкѣ на вышку.

Пока она поднималась, Киснеръ подробно объяс-

нял ей устройство машинъ по извлеченію нефти и превращенію ея въ керосинъ.

Наконецъ, они взобрались на самый верхъ.

Нинѣ, несмотря на то, что она была яркой любительницей сильныхъ ощущений, стало жутко...

Она очутилась на узенькой желѣзной доскѣ, перекинутой черезъ керосиновую бездну...

— Ахъ!—невольнo вырвалось у нея.

— Ничего, Нина Петровна, — замѣтно волнуясь, говорилъ Киснеръ, — пройдите, пожалуйста, дальше, вотъ сюда... Ничего...

— Зачѣмъ? Оставьте! — толкнула его Нина.

Но онъ цѣлко держалъ ее за руки и толкалъ къ противоположному краю бассейна, гдѣ не было доски...

— Что вы дѣлаете? — въ отчаяніи крикнула Нина.

— Молчать! — рѣзко, нагло, прямо въ лицо дѣвушкѣ крикнулъ негодяй, — стоять смирно!

Нина до того была ошеломлена всѣмъ происшедшимъ, что невольнo подчинилась окрику и стала на самомъ краю дрожащей желѣзной доски...

Отъ ужаса и возмущенія она едва не лишилась чувствъ. Подъ ней неподвижно стлала бездонная, керосиновая масса, она чувствовала холодъ, идущій изъ нея, видѣла неясное мерцаніе ея поверхности...

— Что вы со мной хотите сдѣлать? — спросила Нина.

— Увидите.

Киснеръ, тяжело дыша, связывалъ ей руки тоненькой веревкой и приговаривалъ:

— Если вамъ угодно кричать, — то, пожалуйста! Мѣшать не буду! Сторожа всѣ мои. А если шевельнетесь, то совершите небольшое плаваніе — внизъ. Поняли?

— Но для чего все это? Что же вамъ, все-таки нужно отъ меня?

Нина, несмотря на всю жуткую обстановку, успѣла придти въ себя и со свойственнымъ ей самообладаніемъ, старалась разобраться въ происшедшемъ.

— Мнѣ вотъ что нужно, — тяжело дыша, шепталъ Киснеръ, — мнѣ нужно вотъ что... Если вы хотите жить, а... не быть заживо и навѣки погребенной... Такъ вотъ... напишите мнѣ тутъ сейчасъ-же записку къ вашему отцу, чтобы онъ немедленно выдалъ подателю этой записки кое-какіе чертежи... Я—военный агентъ, и мнѣ поручено это сдѣлать... Но никакія хитрости не могутъ провести вашего проклятаго отца и его чертовской осторожности... Даже ваша горничная, которая подкуплена мной, не знаетъ, гдѣ онъ прячетъ свои бумаги... Теперь, надѣюсь, онъ выдастъ... Или... Или онъ лишится своей единственной и горячо любимой дочери... Какъ хотите... Мнѣ интересно, что у него окажется болѣе сильнымъ: любовь къ дочери или—къ службѣ и карьерѣ...

Нина слушала его съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ можетъ слушать человѣкъ лишь въ самомъ глубокомъ, безпредѣльномъ отчаяніи.

Теперь, наконецъ, ей сталъ ясенъ этотъ человѣкъ. Но какъ онъ былъ жалокъ и противенъ даже въ своей безумной рѣшимости и чисто-звѣриной жестокости. Какимъ тупымъ стремленіемъ поскорѣе добиться своей цѣли горѣли его узкіе глаза!

Что-то острое, яркое и неизвѣданное поднялось вдругъ въ душѣ дѣвушки. Она отчетливо почувствовала,

какъ волнами заходила въ ея жилахъ кровь... какъ огненная, чудовищная смѣлость ударила въ голову. Нина забыла, какая опасность грозитъ ей. Одно острое и страшное рѣшеніе овладѣло ею и, якобы подчиняясь ему, она сказала, задыхаясь отъ охватившаго ее волненія:

— Хорошо... напишу... развяжите...

Онъ пытливо посмотрѣлъ на нее и приблизился, чтобы развязать ей руки, а затѣмъ дать карандашъ и бумагу...

Но лишь успѣлъ онъ сдѣлать первое, какъ произошло то страшное, что навѣки оставило черныи слѣды тоски и горечи въ чистой душѣ молодой дѣвушки...

Не помня себя отъ возмущенія, отчаянія и героической рѣшимости, дѣвушка дико взвизгнула, ударила по лицу своего мучителя съ такой силой, что онъ споткнулся, упалъ, и черезъ нѣсколько секундъ, онъ жутко замелькалъ небольшимъ мутнымъ пятномъ въ мутной массѣ керосина...

Перестрѣлка. Картина Фелль.

III.

... Только теперь, когда прошелъ годъ со времени этого жуткаго приключенія, когда Нина оправилась отъ тяжелой нервной болѣзни и когда наступила неслыханная по жестокости, ужасная война, Нина поняла, какъ слѣдуетъ, то, что случилось съ ней и что едва не стоило ей жизни...

Ал. Королевъ.

БОЕВЫЯ ВПЕЧАТЛЕНИЯ.

ПИСЬМО.

...Такъ вотъ, дорогая моя, я седьмой мѣсяцъ на войнѣ. Шестъ мѣсяцевъ походной и боевой жизни.

Передъ тѣмъ, какъ объявлена была война, жизнь для меня была простая, разъ навсегда рѣшенная задача. Я шелъ къ своей жизненной цѣди такъ же просто и увѣренно, какъ направлялся съ занятій домой, по Невскому проспекту, отъ угла Морской до угла Николаевской. Тутъ поворотъ, тамъ остановка, здѣсь нужно подорогъ, мимоходомъ, посмотрѣть въ витринѣ книжныя новинки, а тамъ надо по пути зайти къ Николаю Ивановичу потолковать о новомъ научномъ методѣ. Жизнь была проста, легка и налажена, поставлена на рельсы: кати все впередъ и впередъ по одному пути, пока неупрешься въ тупикъ, гдѣ конецъ, гдѣ больше нѣтъ дороги, гдѣ смерть.

Но вотъ произошло что-то вродѣ землетрясенія, — нѣтъ, больше! — вродѣ мирового геологическаго переворота, пласты смѣшались и вздоромъ теперь уже кажется жизнь, похожая на прогулку съ Морской до Николаевской по Невскому проспекту.

Прошлымъ лѣтомъ, когда мы жили на дачѣ у Полины Карповны, у меня былъ, накануне моего объясненія съ тобой, такой разговоръ съ твоимъ отцомъ, котораго я очень уважалъ за то, что онъ ординарный профессоръ, что о немъ говорятъ вся Россія и что его знаетъ весь мѣръ.

— Тоска, — сказалъ мнѣ этотъ старый человекъ, который, какъ мнѣ казалось, уже угомонился, успокоился, потому что рѣшилъ всѣ задачи, выпавшія на его долю. — Тоска! Вотъ мнѣ семьдесятъ лѣтъ, я прожилъ цѣлую жизнь, но когда оглянусь назадъ, то вижу, что умеръ въ тотъ самый моментъ, когда я думалъ, что началъ только жить по-настоящему.

— Вы слишкомъ много курили нынче вечеромъ, — сказалъ я. — Оттого у васъ и тоска. Жизнь проста

и хороша. Вы сдѣлали въ ней больше, чѣмъ она отъ васъ требовала. Чего же еще?

— Что вы намѣрены дѣлать нынѣшней осенью? — спросилъ онъ меня.

— Издамъ свой трудъ о нѣкоторыхъ разновидностяхъ бабочекъ *Hilesinus Piniperda*.

— Такъ. Ну, а потомъ?

— Потомъ? Потомъ начну свой курсъ лекцій.

— А потомъ?

— Господи! да вы хотите знать,

Передъ ученьемъ. Картина Кюрнелъ.

какъ я распланирую всю свою жизнь!

— Да.

— Ну, женюсь. Будутъ дѣти, будутъ новыя обязанности.

— Снимите побольше квартиру, — подсказалъ онъ.

— Ну да, моя тѣсна.

— Напишите новый трудъ по зоологій.

— Не одинъ.

— Будете толковать съ Николаемъ Ивановичемъ о новыхъ методахъ.

— Вѣроятно.

— Достигнете извѣстности. О васъ будутъ писать, говорить. Такъ?

— Не знаю. Если заслужу.

— А подумали ли вы когда-нибудь надъ тѣмъ, — на кой, скажемъ, чортъ нужно все наше гробокопательство, всѣ наши сотни и тысячи томовъ о разныхъ бабочкахъ народу, на примѣръ, Ивану Непомнящему или Сидору Безродному? Будетъ ли онъ счастливѣе, лучше, умнѣе отъ того, что вы женитесь, что у васъ будутъ дѣти и что вы напишете о *Hilesinus Piniperda*.

— Что же? Неужто, если Ивану Безродному не надобно знать объ *Hilesinus Piniperda*, скажемъ, такъ все, что мы дѣлаемъ, безцѣльно?

— Я не знаю, безцѣльно ли это или цѣлесообразно. Но это не то. И оттого — тоска.

Я пожалъ плечами и пошелъ въ садъ. Черезъ полчаса я забылъ объ этомъ разговорѣ и признался тебѣ въ любви. Я говорилъ о ней сухо и обстоятельно, какъ говорю обо всякомъ дѣлѣ, говорилъ о томъ, что осенью мы сможемъ обвѣнчаться, что, если устроить жизнь разумно, у насъ хватитъ средствъ жить и воспитывать дѣтей, которыя, вѣроятно, будутъ. Это было просто, ясно, какъ восходъ солнца утромъ, какъ его закатъ вечеромъ.

19 іюля моя вѣра въ универсальность науки, въ то, что при ея помощи можно достигнуть братства народовъ, дала глубокую трещину. 19 іюля и въ послѣдующіе дни я увидѣлъ, что наука сама собою, а жизнь сама собою. Эта самая жизнь, которая разошлась съ моими взглядами, заставила меня надѣть шинель и пойти рѣшать мировые вопросы

не перомъ, не при помощи микроскопа, а штыкомъ и шрапнелью.

Здѣсь нѣтъ ни Николая Ивановича, ни новыхъ методовъ, ни уютнаго кабинета. Здѣсь сырые окопы, гудящая канонда пушекъ, свистъ и вой снарядовъ, а рядомъ со мною стоитъ, прижавшись къ стѣнкѣ траншеи, рядовой Петръ Смирновъ, мой тезка, и пострѣливаетъ изъ винтовки.

— Такъ что, ваше благородіе, ень бѣгитъ, — говоритъ Смирновъ. — Шибко бѣгитъ на насъ.

ВОИНА ВЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ КАРТИНАХЪ.

Погоня.

— Въ атаку—коротко передаю, я приказаніе ротнаго и выскакиваю изъ траншеи.

Солнце ярко. Небо ясно и чисто. Снѣгъ подтаялъ, и бѣгутъ подъ ногами звонкіе, веселые ручьи. Изъ проталинъ глядитъ буро-зеленая прошлогодняя трава. И мнѣ и Петру Смирнову, и всѣмъ весело бѣжать съ винтовками на вѣсу.

И въ этомъ веселомъ бѣгѣ, среди свистящихъ ядеръ и пуль, я вспоминаю Пасху, великое Таинство Воскресенія, и звенить въ ушахъ: ... „Смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ“...

Да, да, смерть побѣждена смертью. Изъ смерти рождается пышный восходъ жизни. что-то есть во мнѣ, которое со спокойной радостью говоритъ мнѣ. что ученый зоологъ Петръ Федоровичъ былъ трупъ, а прапорщикъ Петръ Махотинъ—живой человекъ, воскресшій на поляхъ смерти.

На шеѣ у меня виситъ на шнуркѣ свистокъ. Въ то время, когда мы лежимъ, я беру свистокъ въ зубы и, стиснувъ его, пронзительно свищу и бросаюсь впередъ.

Солдаты поднимаются съ оттаявшей, теплой земли и бѣгутъ за мною, тыкая впередъ винтовками.

— Ура!— кричу я.

— Ура, ура,—подхватываютъ солдаты.

И солнце ярко свѣтитъ, и лучи его весело смѣются, и въ тысячеголосомъ „ура“ смѣхъ и весенняя радость возрожденія.

Ручная граната упала къ моимъ ногамъ. Такая маленькая штучка, величиной съ апельсинъ, кружится, и трещитъ, и рвется, обжигая мнѣ руку и лицо. Я цѣль и живъ, и ничего не боюсь. Hilesinus Piniperda—чепуха профессорства и лекціи, большая квартира, спокойная жена, послушная дѣти, удобный фракъ—чуть, ужасъ, въ тысячу разъ страш-

нѣе ручной гранаты, снарядовъ, пулеметныхъ горошинъ шрапнели.

Сверкнуло что-то ярко-ярко — Ложись!—крикнулъ какой-то голосъ во мнѣ.

Это — шестипудовый снарядъ вертится и жужжитъ, а я лежу въ десяти шагахъ отъ него и въ моемъ, умѣ пороховитъ вся жизнь моя, всѣ мои мечты и планы.

— Пф-рр-ахъ! — рывкнулъ снарядъ.

Въ глазахъ у меня пошли сначала зеленые, потомъ ярко-красные круги, и я потерялъ сознание.

— Ваше благородіе! — сказалъ кто-то надъ самымъ моимъ ухомъ.

Я открылъ глаза и увидѣлъ, что рядомъ со мною, лицомъ вверхъ, лежитъ Петръ Смирновъ. Я цѣль, только голова опалена и вспухла отъ контузии, а вотъ Смирновъ...

— Умираю, — говоритъ онъ. — Напишите женѣ, Анастасіи Смирновой... Симбирской губерніи, села Костяково... Чтобы не убивалась...

Чтобы дѣтей, какъ слѣдъ, блюла...
Отпишите.

У Смирнова оторвана нога, а другая—смята.

— Ничего, парень, жить будешь,—говорю я и чувствую, какъ щекочетъ у меня въ носу, какъ набѣгаютъ слезы, и горячій, сильный порывъ охватываетъ меня всего.

Вотъ, что я долженъ сдѣлать: взвалить къ себѣ на плечи Петра Смирнова, мужика Симбирской губернии, селя Костякова, и нести къ санитарному пункту.

Онъ будетъ жить. Я хочу, чтобы онъ жилъ. Обязанность моя, весь смыслъ моей жизни, жизни ученаго Петра Федоровича Махотина, нести на своей спинѣ мужика Петра Смирнова и спасти его.

ренная солнцемъ, и, поцѣловавъ меня въ лобъ, сказала:

— Христосъ воскресъ, прапорщикъ.

Я сразу не понялъ въ чемъ дѣло и, улыбаясь, вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Пасха. Сегодня Пасха,—сказала она.

— Ахъ, такъ.

И вдругъ, что-то теплѣе разлилось въ моей груди. Я снова почувствовалъ, что плачу отъ радости и умеленія.

— Что Смирновъ? Что съ нимъ?

— Выживетъ,—сказала сестра.

— Слава Богу! Слава Богу! Во истину воскресъ,—отвѣтилъ я.

Когда-то въ дѣтствѣ, въ какой-то праздникъ, меня нарядили въ

Все во мнѣ радостный хаосъ, въ которомъ симбирскій мужикъ Петръ Смирновъ, и улыбка сестры мило сердца, и лучъ утренняго солнца, и любовь къ тебѣ, далекой и близкой,—все слилось въ одинъ звучный гимнъ воскресенію души.

Вотъ сейчасъ подъ моимъ перомъ бѣгутъ ровныя строчки, я пишу это радостное письмо и чувствую, какъ-будто я въ новомъ костюмчикѣ, будто мнѣ крѣпко напоядили волосы и старательно расчесали ихъ, я чувствую, что душа моя омита живой водою и, услышавъ голосъ Петра Смирнова за деревянной перегородкой лазарета, стараюсь понять, что онъ говоритъ.

— Ногу оно, положимъ, отпадетъ,—говоритъ онъ кому-то.—А все же—ничего. Руки цѣлы, работать можно. А у насъ все бабы, работы страсть! Запашки таперича, а опояся посѣвъ, бороньба тоже. То-то.

— Ничего, будемъ работать,—кричу я черезъ стѣнку Петру.

— Ого! Еще какъ!—отвѣчаетъ мнѣ Петръ.—Вызволили, слава Богу. Живемъ, ваше благородіе!

— Живемъ!

Я. Окуневъ.

СУВОРОВЪ—ПОЛКОВОДЕЦЪ.

Путемъ личнаго опыта, многолѣтней военной практикой, выработалъ нашъ величайшій русскій полководецъ, генералиссимусъ князь Суворовъ-Рымникскій тотъ недостижимый типъ военачальника, который можетъ служить идеаломъ каждому, призванному на высокой и отвѣтственный постъ главнокомандующаго. Ни одна изъ сторонъ военнаго быта, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, не оставлена имъ безъ вниманія. На все у него найдется отвѣтъ и указаніе, точное, практическое и лаконическое до рѣзкости. Безсмертныя слова его живы до сихъ поръ, до сихъ поръ способны воодушевить на подвигъ...

Суворовъ былъ истиннымъ народнымъ героемъ; имя его извѣстно въ самыхъ глухихъ закоулкахъ нашей необъятной матушки-Россіи. О немъ поютъ пѣсни, о немъ слагаютъ сказанія и легенды. Суворовъ оставилъ намъ указаніе, какимъ долженъ быть истинный герой. Каждый пунктъ своего указанія онъ подкрѣпилъ своей собственной жизнью, своимъ личнымъ примѣромъ.

Торжественное шествіе въ честь Бельгіи на улицахъ Лондона.

Тяжелъ мой путь! Я сотни разъ спотыкаюсь о трупы, о рытвины, развороченные снарядами, падаю, подымаюсь и иду дальше со своей ношей. Мнѣ хорошо отъ того, что я могу идти, что могу нести его. Пуля ударила меня въ лѣвую руку, рукавъ наполнился кровью, мнѣ больно, меня жжетъ, но мнѣ хорошо и сладко.

Навстрѣчу намъ бѣгутъ санитары.

— Смертню смерть поправь!—кричу я имъ, и падаю безъ чувствъ.

...И вотъ я въ лазаретѣ, моя дорога. Утромъ, когда я очнулся, подошла ко мнѣ сестра, вся оза-

новый бархатный костюмчикъ, умыли и гладко причесали. У меня тогда было такое чувство, будто весь я новый, другой, будто всего меня замѣнили чистымъ, хорошимъ и новымъ Петей.

Такъ и тепель. Я безпричинно радостенъ и бодръ. Цѣлесообразность жизни утеряна навсегда. Жизнь для меня больше не прогулка по Невскому пр. Я не знаю, что я стану дѣлать съ собою, я не хочу знать объ этомъ. Въ душѣ моей пробилась живые ростки и тянутся они во всѣ стороны. Въ душѣ моей много простора и свѣта, и каждый уголокъ въ ней радостно и звонко поетъ о жизни.

ПОЛЕТЪ СЪ ПАСС. ЖИРОМЪ.

I.

Прошло уже больше мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ аппаратъ, на которомъ летѣлъ Гольцевъ, потерпѣлъ крушеніе, и Гольцевъ вынужденъ былъ, спустившись на непріятельскую территорію, сдаться въ плѣнъ.

Этому плѣннику нѣмцы были рады чрезвычайно. Его сразу узнали по портретамъ, которые до войны продавались одинаково, какъ въ Россіи, такъ и за-границей, въ томъ числѣ и въ Германіи.

Это былъ талантливый, безумно смѣлый, извѣстный русскій летчикъ.

Черезъ день послѣ его плѣненія въ газеты всего міра полетѣли телеграммы, а нѣмецкія газеты были заполнены подробностями этого прикормнаго для Гольцева и радостнаго для враговъ происшествія.

Гольцева отвезли въ Берлинъ, гдѣ цѣлый мѣсяць продержали въ общихъ для всѣхъ плѣнныхъ казармахъ, а затѣмъ, неожиданно, опять привезли на позиціи.

Цѣль послѣдняго Гольцеву совершенно не была понятна.

«Для чего они меня привезли на позиціи?» — думалъ онъ въ крайнемъ недоумѣніи.

Его везли въ вагонъ перваго класса, въ сопровожденіи двухъ солдатъ и офицера. Отъ какихъ бы то ни было объясненій послѣдній грубо отказался.

Пришлось, такимъ образомъ, терпѣливо ждать.

Послѣ десятичасоваго путешествія, Гольцева привезли въ какую-то деревушку.

Въ деревушкѣ, гдѣ былъ расположенъ нѣмецкій воздушный отрядъ, Гольцева встрѣтилъ начальникъ отряда, лейтенантъ, и пригласилъ въ палатку.

Это былъ высокаго роста осанистый человѣкъ съ темной бородкой и мужественными чертами лица, крѣпкимъ и приятнымъ голосомъ и смѣлыми, дерзкими, насмѣшливыми глазами.

— Вы намъ понадобились, — сказалъ онъ на чистомъ русскомъ языкѣ, пригласивъ Гольцева сѣсть и пристально взглянувъ въ его худое, сильно осунувшееся и поблѣднѣвшее за время плѣна, лицо. — Вы знаете, — продолжалъ онъ, — что у насъ, въ Германіи, плѣнныхъ заставляютъ работать. Живя въ общихъ казармахъ, вы имѣли возможность видѣть

*Когда появится великая Семерна,
Начнется гвнатомя роскошный пиръ:
Настанетъ радостный всеобщій
миръ,
И выйдутъ мертвецы изъ нѣдръ
подземныхъ Орна.*

Предсказаніе Михаила Гюстрамбуса
(Centuri., X, стихъ 74).

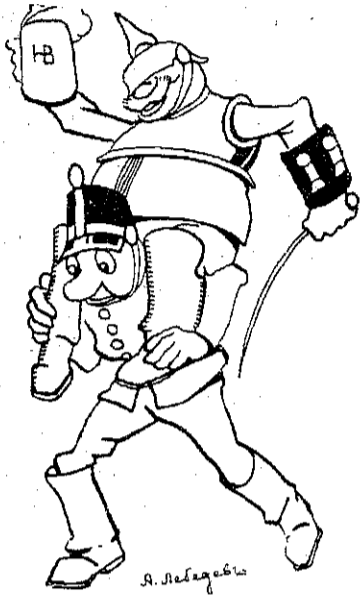
Замѣчательное предсказаніе средневѣковаго астролога.

это. Вы обратили, надѣюсь, вниманіе и на то, что васъ никуда не посылали, несмотря на то, что вы — нижній чинъ изъ вольноопредѣляющихся. Смѣшно было бы посылать васъ, извѣстнаго летчика, на какія-нибудь желѣзнодорожныя работы или что-либо подобное, не такъ-ли? Но вы намъ понадобились для друго-го. Мнѣ, видите-ли, нужно совершить большой перелетъ. Управлять самолетомъ мнѣ нельзя, такъ какъ я буду занятъ зарисовкой мѣстности и наблюденіями, а хорошаго пилота у меня сейчасъ, къ сожалѣнію, нѣтъ. Мой отрядъ находится сейчасъ въ самомъ плачевномъ состояніи, лучшіе летчики убиты или находятся въ плѣну, а между тѣмъ, мнѣ предстоитъ важ-

ная миссія. Я говорю вамъ обо всемъ этомъ такъ подробно потому, что хочу предупредить всякія недоразумѣнія. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы вы разумно подчинились обстоятельствамъ.

Съ вашей стороны не будетъ никакой измѣны родинѣ, какъ нѣтъ измѣны со стороны вашихъ солдатъ, которыхъ мы заставляемъ строить мосты для насъ, прокладывать желѣзныя дороги и такъ далѣе. Ваши шоферы управляютъ нашими автомобилями, а летчиковъ мы заставляемъ быть пилотами. Итакъ, надѣюсь, что послѣ моихъ словъ вы подчинитесь необходимости и честно исполните то, къ чему васъ принуждаютъ обстоятельства. Мы поле-

ВОЙНА ВЪ КАРРИКАТУРЪ.

АВСТРИЕЦЪ.—Вѣдь, вотъ, взвалилъ себѣ на шею сокровище!

тимъ на «Фарманъ», я буду сидѣть позади васъ, и пусть васъ не смущаетъ револьверъ, дуло котораго будетъ направлено на ваше темя. Вѣдь, вы все-таки плѣнный, и, согласитесь, особеннаго довѣрія къ вамъ быть не можетъ...

Лейтенантъ улыбнулся въ усы, поднялся и вышелъ изъ палатки.

Гольцевъ посмотрѣлъ на его рослую красивую фигуру и подумалъ, что вскорѣ она будетъ лежать на землѣ, изувѣченная, подъ обломками аппарата.

«Но неужели же и мнѣ придется кончить жизнь подобнымъ образомъ?» — подумалъ онъ.

И сердце его неприятно сжалось въ горькой предсмертной тоскѣ.

II.

На другой день, ровно въ двѣнадцать часовъ, Гольцевъ сидѣлъ на передкѣ аппарата, а за нимъ съ револьверомъ въ одной рукѣ и съ картой въ другой—лейтенантъ.

— Только, пожалуйста, милый,— говорилъ лейтенантъ, незамѣтно, какъ вчера, улыбаясь въ усы, — пожалуйста, не оглядывайтесь и исполняйте немедленно мои приказанія. Умереть вмѣстѣ съ вами я готовъ — противъ этого я ничего не смогу сдѣлать — но мнѣ будетъ очень жаль, если я останусь жить, а ваша голова будетъ прострѣлена... Прошу это помнить.—Впередъ! — приказалъ онъ.

Заработалъ моторъ, аэропланъ разбѣжался и понесся въ высь.

Равнодушіе и вялость, которыя

развились у Гольцева за мѣсяць вынужденнаго бездѣйствія, сразу смѣнились прежней, хорошо знакомой ему, нервной напряженностью.

Сердце забилось тревожно и быстро. Въ ногахъ появилась сладкая шемящая дрожь, голова закружилась отъ пьянящаго тумана, въ который такъ влюбленъ былъ Гольцевъ, и который толкалъ его на безумства.

Гольцевъ почувствовалъ себя въ своей стихіи, и счастье полета захватило его своей буйной радостью. Но не успѣлъ онъ опомниться, какъ всѣ эти ощущенія вновь смѣнились подавленностью и острой тоской.

За нимъ сидѣлъ человекъ, отъ каприза котораго зависѣла его жизнь, его свобода, его возможность опять увидѣть родину...

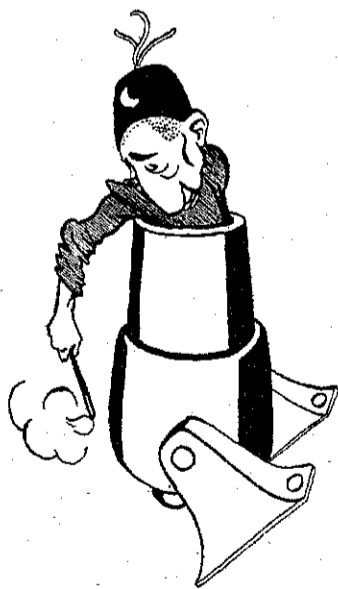
Что-то нестерпимо обидное почувствовалось Гольцеву въ этомъ тягостномъ сознаніи.

Молодая кровь закипѣла въ его жилахъ, сознаніе затуманилось. Безумная рѣшимость, которой онъ прославился и которая заставляла его продѣлывать на аэропланѣ чудовищные трюки, оживила всѣ его члены упругой стальной и горячей энергіей.

Не помня себя, даже не нагибая головы, которую караулило дуло револьвера, Гольцевъ вдругъ съ бѣшеной дерзостью опрокинулъ аппаратъ, неистово закричавъ отчаяннымъ, страшнымъ крикомъ.

Такъ любилъ онъ кричать всегда, когда онъ вступалъ въ единоборство со смертью въ своихъ нечеловѣчески-смѣлыхъ полетахъ.

И захватывающее чувство борьбы со смертью, къ которому онъ привыкъ и которое дѣлало его не-

Недостатокъ снарядовъ у турокъ.

ТУРОКЪ. — Австриецъ его возилъ, я вожу, одно утѣшеніе, что на смѣну намъ—болгаринъ явился предложить свою шею.

устрашимымъ, сдѣлало совсѣмъ безстрашнымъ сидящаго за нимъ врага...

Тутъ, въ вольномъ воздухѣ, гдѣ Гольцевъ привыкъ чувствовать себя царемъ, ему никто не былъ страшень...

Счастье безумства переполнило его всего, но въ то же время и тонкій, осторожный расчетъ руководилъ его до точности размѣренными, почти механическими движеніями и сообщалъ всему его плану хитрую и непобѣдимую осмысленность.

Внезапное паденіе аэроплана и безумный крикъ Гольцева совершенно парализовали лейтенанта. Онъ мѣвъ отъ ужаса, онъ ухватился руками за сидѣніе и, почти теряя сознаніе, впился глазами въ молочнобѣлую бездну воздуха... Губы его слабо шевелились, пытаясь что-то произнести, но увеличившійся шумъ мотора заглушалъ все вокругъ.

Въ глазахъ нѣмца Гольцевъ промелькнуло предсмертное страданіе, и ему стало на мгновеніе даже жалко его. Но онъ больше мгновенія и не могъ слѣдить за врагомъ. Опрокинувъ аппаратъ, онъ принялся его выравнивать, — дѣлая одну за другой нѣсколько «мертвыхъ петель», во время которыхъ ему не трудно было, держась за руль одной рукой, — другой вырвать изъ рукъ лейтенанта револьверъ...

Когда послѣдній мелькнулъ въ туманѣ блестящей точкой и исчезъ, Гольцевъ, радостно и дико крича, выпрямилъ аппаратъ и бѣшено, поч-

ти по отвѣсной линіи, ринулся внизъ...

Но тутъ лейтенантъ успѣлъ опомниться...

Тяжкій ударъ биноклемъ по головѣ заставилъ Гольцева оглянуться и схватить лѣвой рукой лейтенанта за горло...

Аэропланъ накренился, затрясся и вдругъ бокомъ сталъ спускаться на уже виднѣвшуюся сквозь туманъ землю.

Враги инстинктивно почувствовали, что гибель ждетъ обоихъ неминуемо, и пальцы на ихъ рукахъ судорожно разжались...

Лицо нѣмца было смертельно блѣдно, раскрытый ротъ хрипло изрыгалъ ужасныя ругательства, расширившіяся ноздри тяжело дышали, какъ у взбѣсившагося звѣря...

Давъ возможность аппарату выпрямиться и вновь подняться на значительную высоту, Гольцевъ опять сталъ дѣлать мертвыя пегли, заставляя лейтенанта обѣими руками держаться за сидѣнье, такъ какъ это было единственнымъ средствомъ прекратить сыпавшіяся на голову Гольцева удары... Затѣмъ Гольцевъ, перегнувшись къ лейтенанту, прокричалъ ему надъ самымъ ухомъ:

— Сидѣть смирно. Сброшу. Не двигаться.

И, сказавъ это, опять опрокинулъ аппаратъ и одной рукой досталъ у лейтенанта изъ кармана компасъ.

— Теперь мы полетимъ, куда слѣдуетъ, — сказалъ онъ.

Выпрямивъ аппаратъ, Гольцевъ повернулъ его по направленію къ востоку и помчался птицей...

Горячее дыханіе лейтенанта обжигало ему затылокъ. Сквозь трескъ пропеллера доносились до его слуха грубыя ругательства, но онъ былъ уже совершенно спокоенъ, такъ

какъ зналъ, что лейтенантъ безсиленъ.

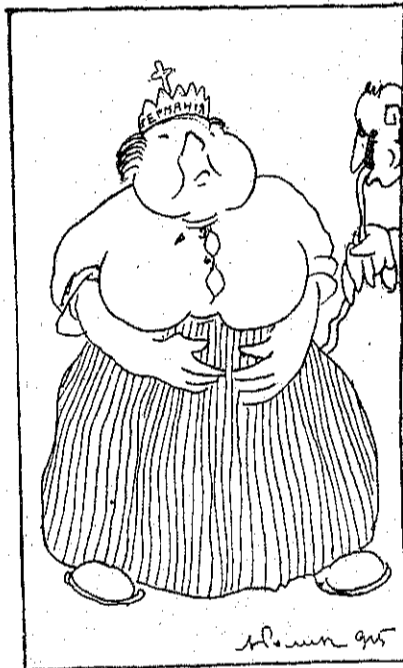
Въ случаѣ малѣйшей попытки съ его стороны къ борьбѣ, онъ поплатился бы жизнью, совершивъ одинокое и жуткое путешествіе на землю.

И лейтенантъ отказался, конечно, отъ этого удовольствія...

Когда аэропланъ, взрыхляя мягкую землю, остановился на небольшой лощинѣ между двумя русскими пѣхотными полками, Гольцевъ, отвѣчая на бурныя привѣтствія, представилъ товарищамъ своего оригинальнаго пассажира и скромно замѣтилъ:

— Съ такимъ пассажиромъ я совершилъ полетъ впервые...

А. Королевъ.

— Если ты, Вилли, еще будешь меня надувать, я, безусловно, допну!

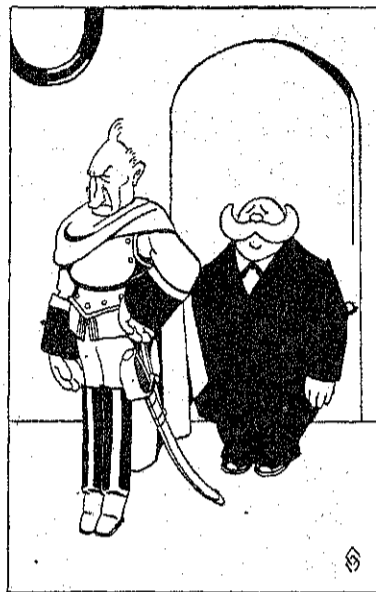
О РУМЫНІИ.

Праздникъ винограднаго сбора въ Румыніи. — Арбы, нагруженныя огромными корзинами, чанами и бочками, скрипя, движутся по горной дорогѣ. Виноградъ собранъ. Большіе бѣлые воны, съ рогами, перевитыми гирляндами цвѣтовъ и виноградныхъ листьевъ, меланхолично бредутъ по знакомому пути. Парни и дѣвушки толпами слѣдуютъ за арбами и поютъ:

Мустъ *) кипитъ, какъ наша кровь.
Мы полны желаній смѣлыхъ

*) Неперебродившее вино, сусло.

ВОЙНА ВЪ КАРРИКАТУРЪ.

КАЙЗЕРЪ (Бюлову). — Извольте теперь объѣхать Европу съ «образчиками мира». Навязывайте товаръ энергичнѣе!

И даримъ свою любовь
Съ сокомъ гроздьевъ этихъ смѣлыхъ!..

Среди молодежи — «царица сбора», въ вѣнкѣ, съ кувшиномъ густого сладкаго, какъ ликеръ, муста, изъ котораго пьютъ, поочередно, парни и дѣвушки во все время пути, — отъ виноградниковъ до села.

Мустъ во время броженія уже опьяняетъ, и поэтому глаза у молодежи блестятъ, лица разгорячаются все болѣе и болѣе и они нестройно, но дружно, поютъ свои національныя пѣсни.

Старичекъ Ной, какъ извѣстно,
Былъ въ Румыніи рожденъ.
И поэтому чудесно
Выпить гостю: землякъ вѣдь онъ...

Хоръ подхватываетъ:

Пейте, веселитесь,
Жизнь на то дана!
И вино учитесь
Допивать до дна!..

Къ группѣ молодежи присоединяются Богданъ и Йордони, совершавшіе длинную прогулку въ лѣсъ. Ихъ голоса сливаются съ голосами поющихъ.

— А кто нынче царица? — спрашиваетъ Йордони и, оглянувшись, съ удовольствіемъ восклицаетъ: — Опять Сандо! Ну, и счастлива же ты! За это поцѣлуй меня!

— Ну, вотъ придумали! — отвѣчаетъ та, но юноша безъ церемоніи схватываетъ «царицу» за плечи и звон-

Заблудился въ русскомъ лѣсу.

ИЗЪ ЯПОНСКО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ.

Въ японскомъ госпиталѣ. Послѣ ампутаціи ноги у раненаго плѣннаго китайца. Ампутація и перевязка, по желанію китайца, производилась безъ хлороформа.

мо цѣлуетъ, при смѣхѣ и шуткахъ молодежи.

— А я! — жалобно заявляетъ Богданъ, дѣлая сиротливое лицо: — дѣвушки, кто же пожалѣетъ меня?

— Я! Я!

И къ студенту съ двухъ сторонъ подбѣгаютъ Дорица и Маріора и награждаютъ его звучными поцѣлуями. Парни не въ претензіи на «паничей». Они знаютъ «порядокъ» и поставили на «джону» **) два ведра водки, такъ что востокъ сопровождается угощеніями и выживкой. «Паничи» вошли въ компанію и могутъ поступать, какъ всѣ.

— Вина паничамъ! — командуетъ «давилыщикъ» Ончу.

Мигомъ наливаютъ изъ кувшина двѣ кружки, липкія отъ сока, и подносятъ. Ончу поетъ:

Пусть льется душистая влага,
Сверкаетъ вино, какъ янтарь,
Въ немъ сила, любовь и отвага,
Оно намъ—божественный даръ!..

Хоръ подхватываетъ:

Пейте, веселитесь,
Жизнь на то дана!
И вино учитесь
Допивать до дна!..

**) Джонъ — мѣстный танецъ.

Показывается кровля помѣщичьяго дома, за ней — нижа, у оврага, толпятся флигеля и надворныя постройки. У подножія террасы, на длинныхъ скамьяхъ, сидятъ мѣстные музыканты-цыгане и играютъ «джонъ». Ноги сами пускаются въ плясъ... Усталости — какъ не бывало! Всю ночь готовы они плясать со своими милыми, а завтра—идти снова на работу. Въ антрактахъ ѣдятъ и пьютъ мустъ и водку. Невидимка, промостившись на вѣтвяхъ густой липы, весело наблюдаетъ жизнь. Ему нравится «праздникъ сбора» и онъ обвѣщаетъ молодежь неутонченнымъ весельемъ и любовною атмосферой... Ночь, полная чаръ и чудесъ, тихо спускается на землю. Богданъ и Иордони, вмѣшавшись въ толпу, веселятся, наравнѣ съ остальными. Они пьютъ мустъ, танцуютъ, цѣлуются съ дѣвушками и забываютъ весь міръ, а на разсвѣтѣ, усталые и разбитые, бредутъ домой; лица ихъ блѣдны, глаза воспалены, но губы мечтательно улыбаются...

Взятіе русскими Варшавы
120 лѣтъ тому назадъ.
(По историческимъ докумен-
тамъ).

Неудачная политика послѣднихъ польскихъ королей и правительствъ, приведшая къ паденію Рѣчи Посполитой въ концѣ XVIII вѣка, отдала значительную часть польскихъ провинцій во владѣтельство тевтоновъ, которые въ теченіе столѣтія прилагали всѣ усилія къ отмеченію одного изъ культурнѣйшихъ славянскихъ племенъ и къ подавленію всякой попытки возродить Польшу. Лишь часть польскаго народа соединена была съ великой славянскою державой сѣвера, вмѣстѣ съ которой она въ средніе вѣка начинала свое историческое существованіе. Вмѣстѣ съ этой частью польскихъ земель отошла къ Россіи и столица государства—Варшава. Паденію ея, происшедшему въ 1794 г., удѣляетъ нѣсколько страницъ г. И. Рабининъ въ своемъ интересномъ изложеніи новаго польскаго изслѣдованія о Тадеушѣ Косцюшкѣ, которое скоро появится въ свѣтъ.

Извѣстіе о плѣненіи Косцюшки (послѣ битвы при Мацѣвювичахъ) вызвало въ средѣ жителей Варшавы чувство живѣйшей скорби. Одни хотѣли бѣжать отбивать своего начальника, другіе—перерѣзать находившихся въ Варшавѣ русскихъ плѣнниковъ, число которыхъ достигало 2000. Высочайшему народному совѣту пришлось усмирять эти чрезмѣрные проявленія патриотизма. Онъ издалъ прокламацію съ указаніемъ, что нельзя «смѣтить безоружнымъ людямъ изъ московскаго края, находящимся у насъ въ плѣну», что «судьбу ихъ слѣдуетъ уважать», что «смѣть должна быть достойна доблести поляка».

На мѣсто Косцюшки высочайшій совѣтъ назначилъ верховнымъ начальникомъ возстанія генерала Томаша Вагранжецкаго, человѣка честнаго и прямодушнаго, но нерѣшительнаго, неопытнаго въ военномъ искусствѣ, придерживавшагося консервативныхъ убѣжденій, яраго врага якобинцевъ, которые послѣ плѣненія Косцюшки особенно настойчиво проповѣдывали мѣты террора и разжигали населеніе противъ короля и вельможъ.

Совѣтъ отправилъ къ Косцюшкѣ письмо съ увѣреніемъ, что всѣ члены его готовы отдать свою свободу за свободу его, послалъ ему 4000 червонныхъ злотыхъ на его личныя нужды, помѣстилъ его портретъ въ залѣ засѣданій и сдѣлалъ предложеніе ген. Ферзелю относительно обмѣна на Косцюшку

всѣхъ русскихъ, находящихся въ польскомъ плѣну. Ферзенъ, однако, не принялъ этого предложенія и послѣдовалъ къ Суворову, двинувшемуся изъ Бреста для совмѣстныхъ съ пруссаками дѣйствій противъ Варшавы.

Тогда совѣтъ сталъ послѣдно укрѣплять предместье и ключъ Варшавы—Прагу, воздвигать новые окопы, строить подземныя казармы и пловучія батареи, вооружилъ городскую милицію и сформировалъ новые регименты. Но у него не было ни достаточнаго количества опытныхъ исполнителей своихъ востановленій, ни времени для исполненія ослѣднихъ. Самъ Ваврежскій объ активной оборонѣ Варшавы мало думалъ, а наиболѣе храбрые сподвижники его, усомнившись въ возможности конечнаго успѣха, старались лишь умереть съ честью, съ оружіемъ въ рукахъ. Вслѣдствіе этого, къ 23 октября (4 ноября), когда Суворовъ приступилъ къ штурму Праги, укрѣпленія ея оказались недостаточными; часть окоповъ не была окончена, нѣкоторыя наведенныя батареи не установлены, вторая линія рва даже не начата.

При такихъ обстоятельствахъ 30,000-ной арміи Суворова, поддержанной 86 орудіями, овладѣніе пражскими валами не стоило особеннаго труда. Послѣ штурма началась знаменитая «рѣзня Праги», печальнѣйшій и, къ сожалѣнію, неоспоримый фактъ въ исторіи польско-русскихъ отношеній. (Онъ подтверждается мало расположенными къ полякамъ: постомъ и офицеромъ русскаго генеральнаго штаба Зейме, прусскимъ интендантскимъ комиссаромъ Нуферомъ, Л. Н. Энгельгардтомъ и др.).

Въ чемъ бы мы ни искали смягчающихъ обстоятельствъ, — въ воспоминаніи ли русскихъ солдатъ о Рацлавицахъ, когда польскіе косиальеры, «не зная слова «пardonъ», били на смерть и затѣмъ обирали трупы» (Сляскій), въ стремленіи ли русскихъ отомстить за кровь безоружныхъ товарищей своихъ, погибшихъ въ Варшавѣ въ день «святой инсurreкціи», въ составѣ ли русскаго войска, «куда старались отдавать за проступки буяновъ съ самою дурною нравственностью, самыхъ негодныхъ въ обществѣ, гдѣ служили донцы, носившіе на себѣ много признаковъ азіатской грубости» (Костомаровъ), — мы не можемъ не осудить этой бессмысленной бойни, сопровождавшейся избіеніемъ бросившихъ оружіе польскихъ воиновъ и стоившей жизни десяткамъ тысячъ мирныхъ жителей, женщинъ и дѣтей.

Суворовъ слишкомъ поздно остановилъ ярость своихъ солдатъ при Прагѣ. Надо, однако, признать, что варшавскимъ депутатамъ, явившимся къ нему

послѣ штурма Праги для переговоровъ о капитуляціи, онъ предложилъ сравнительно умѣренные условія; и въ дѣйствіяхъ его послѣ вступленія въ Варшаву нельзя найти признаковъ умышленной жестокости. «Твердое управленіе» завоеванной страной, которое предписывалось ему изъ Петербурга и которое должно было сопровождаться контрибуціями, конфискаціями и арестами, не находило въ Суворовѣ сочувствія. «Благородное великодушіе» онъ считалъ болѣе полезнымъ, чѣмъ «стремительный военный мечъ». Въ отвѣтъ на жалобы короля Станислава-Августа относительно насилій, причиняемыхъ казаками мирнымъ жителямъ, Суворовъ заявилъ: «Если казаки или другіе солдаты будутъ совершать злоупотребленія, пусть любой гражданинъ свяжетъ ихъ и отправитъ по начальству, или, по крайней мѣрѣ, донесетъ послѣднему, и я увѣрю, что послѣдуетъ удовлетвореніе, ибо хотя я называю казаковъ богатырями, но, когда эти богатыри грабятъ, я прикажу здорово пороть ихъ». Какъ извѣстно, онъ получилъ отъ магистрата Варшавы золотую эмальрованную табакерку съ гербомъ Варшавы — сиреню — и съ над-

писью: «Варшава—своему спасителю».

Интересно еще привести отрывокъ изъ бесѣды императора Павла I съ героемъ Польши, Косцюшкой, который былъ имъ освобожденъ изъ заключенія послѣ смерти Екатерины II, и съ Игн. Понятовскимъ.

Спустя 10 дней послѣ вступленія на престолъ, Павелъ въ сопровожденіи наслѣдника престола пріѣхалъ въ Мраморный дворецъ и выразилъ Косцюшкѣ сожалѣніе объ его участи и радость по поводу возможности вознаграждать его за перенесенныя имъ продолжительныя страданія. «Вы свободны, — сказалъ Павелъ, — я самъ желалъ принести вамъ эту утѣшительную вѣсть». Косцюшко благодарилъ и въ послѣдующей бесѣдѣ горько жаловался на печальную судьбу своей родины. Когда Павелъ напомнилъ Косцюшкѣ о паденіи древней Греціи и Рима, тотъ горячо возразилъ, что Польша прекратила свое политическое существованіе при другихъ обстоятельствахъ, что она была раздѣлена въ то время, когда стремилась установить у себя разумную свободу, когда проявила столько энергіи и патріотизма и принесла столько жертвъ въ послѣднемъ возстаніи».

Въ Бруссѣ — новой резиденціи турецкаго двора. Придворныя дамы на прогулкѣ.

Несомненно, Косцюшкѣ былъ извѣстенъ взглядъ Павла на польскій вопросъ, съ особенною откровенностью высказанный государемъ при посѣщеніи Игнатія Потоцкаго. «Вы свободны,— сказалъ тогда Потоцкому Павелъ,— но общайте мнѣ оставаться спокойнымъ. Я всегда былъ противъ раздѣла Польши, признавая его дѣломъ настолько же несправедливымъ, какъ и не политическимъ, но теперь это — совершившійся фактъ. Для восстановленія Польши необходимо содѣйствіе и согласіе

со стороны трехъ державъ на возвращеніе отобранныхъ частей; но представляется ли вѣроятнымъ, чтобы Австрія и въ особенности король прусскій отдали свои долги? Не могу же я одинъ отдать принадлежащую мнѣ часть и ослабить себя въ то самое время, когда они усилились... Развѣ я одинъ могу объявить имъ войну, чтобы ихъ къ тому принудить?.. Имперія моя крайне нуждается въ мирѣ».

А.

Чтобы воспрепятствовать плану Англіи взять Германію изморомъ, школьниковъ просятъ, во-первыхъ, убѣдить родителей, чтобы послѣдніе покупали для своихъ дѣтей только военный хлѣбъ, во-вторыхъ, не употреблять въ пищу пшеничнаго хлѣба, ибо въ Германіи скоро не хватитъ пшеничной муки, и, въ-третьихъ — во время войны поменьше ѣсть пирожныхъ, а еще лучше — всѣмъ отказаться отъ нихъ.

Латышская рота уничтожила германскій батальонъ.

Вотъ что рассказываетъ объ этомъ, уже второмъ по счету, большомъ дѣлѣ милиціонеровъ латышскаго батальона «Jaunakas Sinas»: «Въ ночь съ пятницы на субботу, рота милиціонеровъ латышскаго батальона, залегшая въ передовыхъ окопахъ, какъ разъ противъ линіи укрѣпленій германскаго батальона, рѣшила произвести атаку на германцевъ. Во главѣ славной роты находился поручикъ Б. — георгіевскій кавалеръ, только что удостоенный золотого оружія. Несмотря на огромное неравенство силъ, латышскіе милиціонеры рѣшили атаковать превосходящаго ихъ численностью въ четыре раза врага. Пользуясь темнотою ночи, рота незамѣченной подкралась къ проволочнымъ загражденіямъ, безшумно перерѣзала ихъ и громомъ небеснымъ обрушилась на окопы совершенно ошалѣвшихъ отъ неожиданнаго и внезапнаго нападенія латышей нѣмцевъ. Первымъ ворвался въ германскій окопъ поручикъ Б. и очутился лицомъ къ лицу съ нѣмецкимъ юнкеромъ, разинувшимъ было ротъ и крикнувшимъ своему сосѣду солдату:

— Бросай, бросай!..

Очевидно, юнкеръ приказывалъ солдату бросить въ поручика ручную гранату.

— Я тебя, schmeiss, schmeiss!.. — гаркнулъ бравый Б. и двумя выстрѣлами парабеллума уложилъ и юнкера, и его сосѣда на мѣстѣ. Въ окопахъ началась рѣзня, не поддающаяся описанію. Огороженные нѣмцы десятками валялись подъ ударами отважныхъ латышей. Достаточно сказать, что въ какихъ-нибудь четверть часа болѣе 200 нѣмецкихъ труповъ устлали дно окоповъ — остальные германцы пустились на утекъ. Впрочемъ, изъ бѣжавшихъ латыши забрали 34 въ плѣнъ, не считая раненыхъ. вмѣстѣ съ линіей окоповъ, милиціонерамъ досталась въ добычу

богатые трофеи: два пулемета, масса огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, снарядовъ и амуниціи. До какой степени нѣмцы были ошеломлены безумной атакой роты латышей нѣблаго ихъ батальона, можно судить потому, что плѣнные никакъ не хотѣли повѣрить, что нападавшихъ была только рота.

— Наверное, на насъ обрушился

Средневѣковый кавалеристъ.

цѣлый полкъ!.. — говорили плѣнные германцы. За это отважное дѣло многие изъ милиціонеровъ представлены къ Георгіямъ, а ихъ храбрый вождь къ производству въ слѣдующій чинъ...

ОБРАБОТКА ДѢТЕЙ.

Изъ Берна сообщаютъ, что среди нѣмецкихъ школьниковъ распространяютъ летучіе листки, въ которыхъ дѣти приглашаются содѣйствовать побѣдѣ надъ врагами Германіи.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

(Изъ прошлаго).

Когда состоялось представленіе князя Бисмарка императору Александру III, то государственный канцлеръ Германской имперіи, проходя мимо германскихъ придворныхъ чиновъ и поднявъ гордо свою голову, «произнесъ знаменательныя слова: «Кажется, я произвелъ на русскаго императора самое благоприятное впечатленіе самое отвратительное впечатленіе».

Много лѣтъ спустя послѣ этого свиданія императоръ Александръ III въ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ сказалъ: «Князь Бисмаркъ при свиданіи произвелъ на меня самое отвратительное впечатленіе».

ТИТУЛЬ СУВОРОВА.

Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, свѣтлѣйшій князь Италійскій, графъ Россійской и Римской Имперій, генералиссимусъ русскіихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, фельдмаршалъ австрійскихъ и сардинскихъ войскъ, Сардинскаго королевства графъ и принцъ королевской крови; при этомъ онъ былъ кавалеръ орденовъ: русскіихъ — св. апостола Андрея Первозваннаго, св. Георгія 1-й степени, св. Владимира 1-й степени, св. Александра Невскаго, св. Анны 1-й степени, св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста; австрійскаго — Маріи-Терезіи 1-го класса; прусскіихъ — Чернаго орла, Краснаго орла и за достоинство; сардинскихъ — Благовѣщенія и св. Мавриція и Лазаря; баварскихъ — св. Губерта и Золотого льва; французскихъ — Кармельской Богородицы и св. Лазаря; польскихъ — Блага орла и св. Станислава.

БЕРЛИНСКІЯ ЗАПОВѢДИ.

По распоряженію главноначальствующаго Берлина, во всѣхъ трамвайныхъ и желѣзнодорожныхъ вагонахъ городского сообщенія вывѣшены большіе плакаты со слѣдующими десятью заповѣдями военного времени для гражданскаго населенія:

- 1) Ѣшьте, какъ можно, меньше, избѣгая добавочной пищи въ промежуткахъ между главными трапезами.
- 2) Не давайте пропадать сухимъ хлѣбнымъ остаткамъ.
- 3) Соблюдайте экономію въ расходованіи масла и жировъ.
- 4) Питайтесь молокомъ, сыромъ, сахаромъ.
- 5) Варите картофель непременно съ шелухой, что дастъ экономію не менѣе 20%.
- 6) Пейте, какъ можно, меньше пива, чтобы:
- 7) увеличить такимъ путемъ наши запасы картофеля.
- 8) Соблюдайте экономію въ потребленіи консервовъ.
- 9) Питайтесь овощами.
- 10) Собирайте кухонные отбросы.

Магистратъ Шенеберга, предмѣстья Берлина, рекомендуетъ населенію восполнить недостатокъ мяса потребленіемъ сельдей.

Городскимъ складамъ сдѣлано распоряженіе продавать картофель только тѣмъ лицамъ, которыя вмѣстѣ съ кило картофеля купятъ не меньше трехъ сельдей.

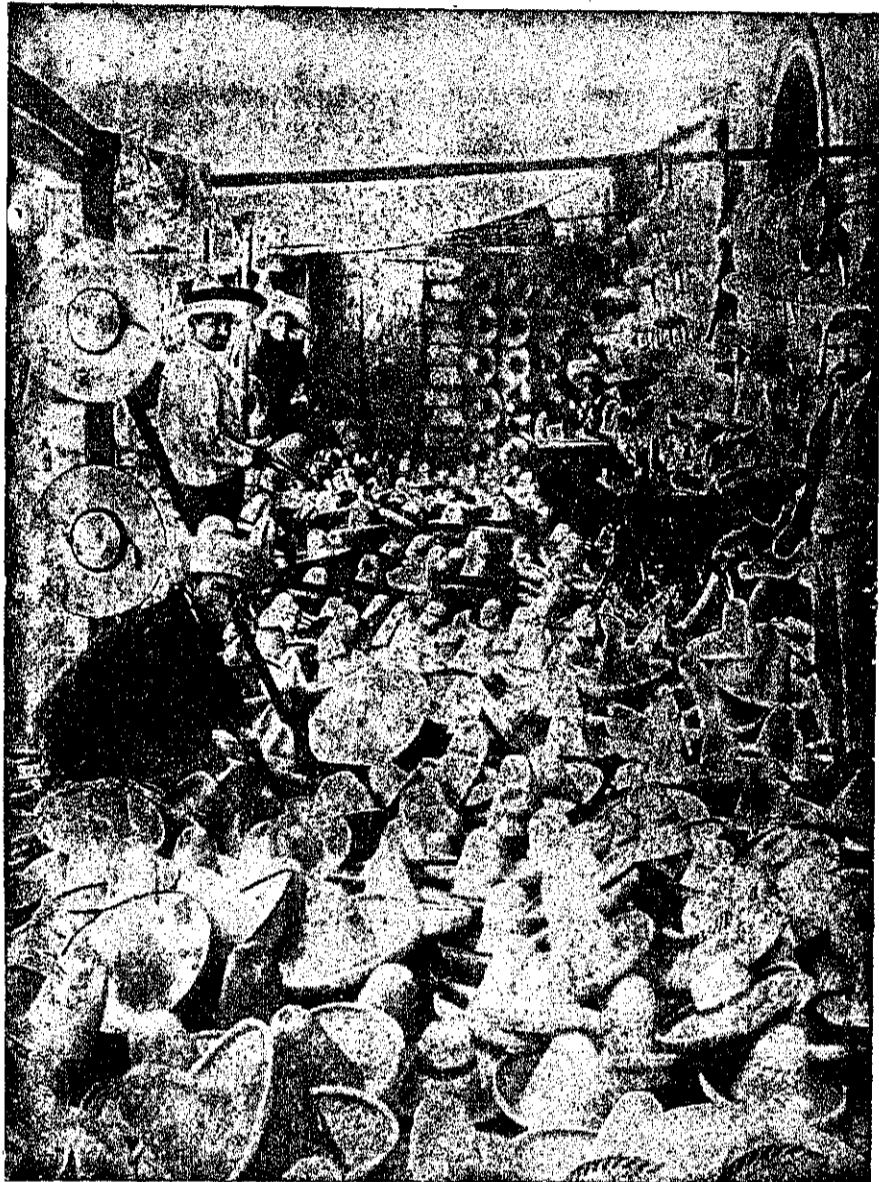
МАСТЕРЪ СВОЕГО ДѢЛА.

На имя кайзера Вильгельма II поступила жалоба населенія одного бельгійскаго городка на одного германскаго генерала, обобраваго несчастныхъ женщинъ, дѣтей, стариковъ буквально до нитки. Кайзеръ передалъ жалобу «на заключеніе» кронпринцу.

Первенецъ же кайзера положилъ свою резолюцію:

— «Наградить генерала орденомъ за заслуги, проявленныя при секвестрѣ имущества нашихъ враговъ въ томъ городѣ, гдѣ я и мой отрядъ уже все конфисковали, что, однако, не помѣшало истому тевтону-генералу найти вещи для конфискаціи въ опустошенныхъ, казалось, совсѣмъ домахъ»...

НАРОДНЫЯ ВОЙНЫ ВЪ МЕКСИКѢ.

Народный митингъ повстанцевъ въ Мексикѣ.

ЧѢМЪ БЫ НѢМЦЫ НИ ТѢШИЛИСЬ...

Капитаны голландскихъ рыболовныхъ судовъ доносятъ портовымъ властямъ, что въ настоящее время имъ приходится постоянно встрѣчать въ морѣ какіе-то плавающие предметы, чрезвычайно похожіе издали на перископы подводныхъ лодокъ.

При ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что это специально сфабрикованные буйки, къ которымъ прикрѣплена особая форма дерева, имѣющая сходство съ высывающимся изъ воды перископомъ подводной лодки.

Германцы, оказывается, изготовили массу такихъ приборовъ и

сбрасываютъ ихъ въ воду, гдѣ, плывая, по теченію, они разносятся по всему пространству моря.

Разсчетъ состоитъ въ томъ, чтобы этимъ приемомъ наводить панику на встрѣчныя суда.

АНГЛІЙСКІЙ ВОЕННЫЙ ЮМОРЪ.

Британское военное министерство — учрежденіе, конечно, официальное.

Но когда британское военное министерство публикуетъ какой-нибудь документъ — этотъ документъ читается, какъ одна изъ прелестныхъ страницъ стараго Диккенса:

Воззваніе военнаго министерства къ обществу изложено въ формѣ

слѣдующихъ 5-ти вопросовъ, адресованныхъ представителямъ общества, держащимъ мужскую прислугу:

1) Не имѣется ли у васъ лакей, который прислуживаетъ за вашимъ столомъ и могъ бы съ такимъ же успѣхомъ обслуживать артиллерійское орудіе?

2) Нѣтъ ли у васъ садовника, роющего въ вашемъ саду канавы и который такъ же хорошо могъ бы рыть траншеи?

3) Если у васъ есть шофферъ, то не думаете ли вы, что онъ сумѣлъ бы вести и военный автомобиль?

4) Нѣтъ ли въ вашемъ имѣніи пѣсничихъ, которые защищаютъ вашу дичь, но могли бы такъ же хорошо защищать вашу родину?

5) Не имѣется ли, наконецъ, у васъ камердинеръ, который прислуживаетъ лично вамъ, но долженъ былъ бы служить вашему королю?

На васъ, сэръ, какъ на всѣхъ насъ, лежитъ большая отвѣтственность.

Не найдете ли вы поэтому возможнымъ отказаться на время отъ своихъ личныхъ удобствъ ради защиты родины?

Сегодня же предложите вашимъ людямъ записаться въ армию.

God save the King.

ГВОЗДИ ВЪ ГОЛОВѢ.

Вѣнцы придумали довольно дикій способъ сбора на нужды военной благотворительности 120,000 руб.

Въ извѣстномъ шварценбергскомъ скверѣ, одномъ изъ прелестнѣйшихъ открытыхъ мѣстъ столицы Австріи, воздвигается конная статуя.

Статуя будетъ сдѣлана изъ дерева; и вотъ вѣнцы рѣшили покрыть всадника и лошадь желѣзной броней, вбивъ въ нее—шляпка къ шляпкѣ—огромное количество гвоздей.

Право вбить одинъ гвоздь даетъся каждому, внесшему въ фондъ одну крону (около 40 коп.).

Чтобы покрыть всю поверхность статуи, требуется 300.000 гвоздей.

НѢМЕЦКАЯ ШУТКА.

Нѣсколько времени тому назадъ германскія войска заняли одно небольшое мѣстечко, изъ котораго потомъ были прогнаны нашими войсками.

Нѣсколько дней пребыванія нѣмцевъ въ мѣстечкѣ дали себя знать: все было найдено въ ужасномъ состояніи.

Въ домѣ зажиточнаго торговца К., обжавшаго изъ мѣстечка при приближеніи нѣмцевъ, все было найдено изломаннымъ, исковерканнымъ.

Но среди общаго хаоса и разрушенія стоялъ нетронутымъ рояль.

Недовѣрчиво отнеслись вернушіеся хозяева къ этой корректности нѣмцевъ, и эта подозрительность спасла имъ жизнь.

Оказалось, что внутри рояля лежала коробка, наполненная порошкомъ, къ которой вели провѣленные къ педалямъ провода.

При нажимѣ педали порохъ неминуемо долженъ былъ взорваться, и только благодаря счастливой случайности, открывшей замыслы «шутниковъ» — нѣмцевъ, весь домъ и его обитатели не взлетѣли на воздухъ.

Средневѣковые пѣхотинцы.

ПОРТРЕТЪ КОРОЛЯ.

Характерную сценку описываетъ корреспондентъ «Journal»:

Въ Парижѣ, на бульварѣ Haussmann, въ магазинъ бумажныхъ принадлежностей входитъ раненый бельгійскій солдатъ, опираясь на палку.

Среди открытокъ, лежащихъ на прилавкѣ, онъ замѣчаетъ одну съ портретомъ своего короля.

Фигура солдата мгновенно выпрямляется, онъ отдаетъ честь и, благоговѣно глядя на портретъ, обращается къ приказчику:

— Дайте мнѣ эту открытку съ портретомъ короля бельгійскаго. — Сколько она стоитъ?

Приказчикъ, уже начавшій бережно завертывать открытку, удивленно качаетъ головой.

— Сколько стоитъ?! Вы думаете, я возьму съ бельгійскаго солдата деньги за портретъ его короля, такого короля?.. Я только пожму гу-

ку солдату той страны, у которой есть такой король, вотъ и все!

Раненый молча протягиваетъ руку. Ее крѣпкожимаютъ и солдаты, благоговѣно унося открытку, уходятъ изъ магазина.

БЕЛЬГІЙЦЫ НЕ УНЫВАЮТЪ.

Въ Брюсселѣ есть часть города Marolles.

Жители Marolles до сихъ поръ не превзойдены въ издѣвательствѣхъ надъ самодовольными «завоевателями».

И, о, до какого бѣшенства они ихъ доводятъ!

На-дняхъ по всему Брюсселю были расклеены плакаты:

«Правительство королевскаго императорскаго квартала Marolles въ Брюсселѣ имѣетъ честь предостеречь королевское и императорское правительство его величества Вильгельма Миротлюбиваго, чтобы оно освободило бургомистра Брюсселя не позже двухъ недѣль.

Въ случаѣ неисполненія этого справедливаго требованія, правительство королевскихъ и императорскихъ владѣній Marolles усмотритъ здѣсь casus belli и окажется передъ лицомъ необходимости объявить войну».

На слѣдующее утро всѣ эти плакаты были, разумѣется, заклеены бумагой.

Бумагу нѣмцы выбрали плотную, бѣлую, такъ-что черезъ нее даже клей не просочился.

Тѣмъ не менѣе, какой-то юноша остановился передъ квадратомъ бѣлой бумаги и внимательно сталъ изучать ее.

Подожель нѣмецкій военный полицейскій и грубо окрикнулъ:

— Брось сейчасъ же читать...

— Да я и не читаю,—возразилъ юноша.

— Чего же ты смотришь такъ пристально на совершенно чистый листъ бумаги?—подозрительно заинтересовался городской.

— О, я просто изучаю будущую карту Германіи...

Полицейскій свистнулъ и, получивъ подкрѣпленіе, арестовалъ юношу.

1916 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г.
НА СТАРЪЙШЕЙ ДВУХНЕДЪЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

48^й годъ
издания.

МОДНЫЙ СВѢТЪ

ПО ОБРАЗЦУ ЛУЧШИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Издается въ Петроградѣ сорокъ восьмой годъ.

Журналъ „Модный Свѣтъ“ приспособленъ къ требованіямъ широкаго круга читательницъ.

Избѣгая недоступныхъ (по дороговизнѣ и замысловатости) моделей, онъ стремится дать возможность каждой нашей читательницѣ, даже обладающей самыми скромными средствами, имѣть подъ рукой богатѣйшій выборъ новѣйшихъ фасоновъ, которые легко выполнить при помощи домашней портнихи или самой.

Изъ множества моделей, среди которыхъ попадаетъ не мало вычурныхъ и эксцентричныхъ, мы выбираемъ лишь тѣ, которыя удовлетворяютъ требованіямъ простоты покроя, облегчающей работу и являющейся однимъ изъ главныхъ условій изящества и красоты.

Взамѣнъ выкроечныхъ листовъ стараго типа, по которымъ выкройки снимаются съ помощью

рѣзка, что и трудно и отнимаетъ много времени, мы къ большинству рисунковъ моды прилагаемъ

БЕЗПЛАТНО

готовыя бумажныя выкройки въ натуральную величину.

Эти выкройки, снабженныя подробными указаніями, какъ кроить и шить — являются чрезвычайно цѣннымъ приложеніемъ къ журналу и необходимы каждой женщинѣ, такъ какъ съ ихъ помощью, каждая наша подписчица можетъ шить себѣ и своимъ дѣтямъ, не только бѣлье и платья, но даже верхнія вещи и шляпы. Полныя, обстоятельныя, подробнѣйшія объясненія выкроекъ, понятныя каждой женщинѣ, за годъ составляютъ незамѣнимый

**КУРСЪ КРОЙКИ И ШИТЬЯ: БѢЛЬЯ, ПЛАТЬЕВЪ,
ПАЛЬТО и т. д.**

Широко поставленъ отдѣлъ рукодѣлій.

Завѣдывать моднымъ отдѣломъ въ 1916 году будетъ баронесса де-Сенъ-Маръ, рисунки для журнала будутъ изготовляться въ Парижѣ известнымъ художникомъ г. Мильгюи, хроника моды будетъ доставлять наша специальная корреспондентка изъ Парижа г-жа Сильвьянъ.

Въ каждомъ № журнала будутъ помѣщаться статьи по домашней медицинѣ, домашнему хозяйству, а также отдѣлы: кулинарный, косметическій, посвященный уходу за красотой въ связи со здоровьемъ, подробныя, тщательно-проверенныя, цѣнные совѣты, рецепты и указанія специалистовъ. Почтовый ящикъ съ отвѣтами практическаго характера.

Подписавшіеся на 1916 г. получаютъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца:

24 РОСКОШНЫХЪ ВЫПУСКА
ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА
„МОДНЫЙ СВѢТЪ“
по вышеизложенной программѣ.

24 ВЫКРОЕЧНЫХЪ ЛИСТА
въ натуральную величину
новѣйшаго типа съ подробными указаніями, какъ кроить и шить, не только бѣлье и платья, но даже верхнія вещи и шляпы.

КРОМЪ ТОГО, ВСѢ ПОДПИСЧИЦЫ ПОЛУЧАТЪ ДВѢ ПРЕМІИ:

АЛЬБОМЪ ДАМСКИХЪ РУКОДѢЛІЙ

въ изящной обложкѣ, служащей продолженіемъ „альбомовъ дамскихъ рукодѣлій“, данныхъ въ 1914 и 1915 годахъ, но, по содержанию своему, представляющей самостоятельное издание.

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ на 1916 г.

напечатанный тремя красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
съ доставкой и пересылкой на
1 годъ 4 руб., на ½ года
2 руб. 50 коп.

РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА
„Модный Свѣтъ“
ПЕТРОГРАДЪ,
7-я Рождественская, 30.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:
при подпискѣ 2 руб., къ
1-му Марта 1 руб. и къ 1-му
Мая 1 руб.

ОТДѢЛЕНІЯ ДЛЯ ПРИЕМА ПОДПИСКИ: Петроградъ, Невскій, 82 (во дворѣ направо).
Москва, Долгоруковская улица, д. № 17, кв. 5.

Состязаніе «въ выдержкѣ».

Требуйте у всѣхъ газетчиковъ и на станціяхъ жед. дор. **„20-й ВѢКЪ“** рассказы, очерки, статьи, картины и рисунки **ИЗЪ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ**
Корреспонденціи съ театра войны. Цѣна 7 коп.